

НЕПРЕРЫВАЮЩАЯСЯ НИТЬ
(О ХАСИДСКОЙ КАПЕЛЛЕ И ЕЕ РУКОВОДИТЕЛЕ)
Матвей Гейзер

Существует предание, что где-то там, в небесах, расположены храмы, дверь в которые открываются только с помощью песни. Эти слова всегда вспоминаются мне, когда я слушаю Хасидскую Капеллу – талантливый певческий коллектив, возникший из мужского хора при Московской Хоральной синагоге, созданного в начале 90-х годов прошлого века. У истоков этого оригинального еврейского хора, и это очень важно заметить (еврейского по содержанию – среди его певцов люди разных национальностей) стоял великий кантор Йозеф Маловани. Это был не первый мужской хор при Московской Хоральной синагоге: достаточно вспомнить имена таких выдающихся канторов начала 20-го века, как Моше Куссевицкий, Гиршеле Сирота. Среди поклонников их искусства был сам Федор Иванович Шаляпин. Но времена еврейских канторов в России, а с ними и еврейских мужских хоров канули в бездну вскоре после революции, названной не только октябрьской, но и великой.

Прежде чем вернуться к «Хасидской капелле» Александра Цалюка, считаю необходимым заметить следующее: своего Альберта Эйнштейна или Генриха Гейне в области музыки евреи – увы! не дали: Феликс Мендельсон Бартольди – крещенный еврей, впрочем как и Антон Рубинштейн в России – скорее подтверждение высказанной выше мысли, чем ее опровержение.

Так вот, в начале 90-х годов в Москву приехала группа видных евреев из США (среди них был и кантор Йозеф Маловани). Эта солидная делегация (а во главе ее был сам Ральф Гольдман – в ту пору руководитель «Джойнта») – пыталась возродить, реанимировать еврейскую общинную жизнь в СССР. И решили они, что ренессанс этот должен начаться с возрождения хорового искусства, с еврейских мотивов, песен, духовных песнопений, напевов, так много веков хранивших евреев в диаспорах от полного исчезновения. (Здесь уместно заметить – богатейшая музыкальная библиотека Московской Хоральной синагоги с 20-х годов и до начала 90-х почивала в архивах Лубянки – до того дня, когда часть ее «вызволил» оттуда раввин Адольф Шаевич).

Первым руководителем еврейского мужского хора был Михаил Турецкий. Первые выступления (за много лет до «Десяти голосов, которые потрясли весь мир») этого коллектива в синагоге, в Большом зале Московской консерватории явилось для евреев Москвы не только великим событием, но и откровением... Вот что написал я в тот день, когда впервые услышал выступление хора Турецкого в Большом зале Московской консерватории: «Никакие еврейские организации, возникающие в России со скоростью грибов после летнего дождя, не сделают для духовного развития евреев России и толики того, что этот хор»...

Но, увы, талантливый этот коллектив, так много суливший надежд, просуществовал очень недолго... После первой же поездки в США, в Москву вернулись немногие. И тогда из «остатков» хора при Московской хоральной синагоги с появившимися новыми участниками возник «Хор Академии канторского искусства», дирижером его стал молодой, пожалуй, юный выпускник Московской

консерватории Александр Цалюк. Очень скоро этот хор стал заметным явлением не только в России, но и далеко за ее пределами. Ему аплодировали в Швеции, Дании, Германии, Норвегии, во Франции, а вскоре и в США. Позже, вспоминая эти времена, руководитель хора Александр Цалюк скажет: «На дворе – 90-е годы. «Железный занавес» только поднимался, публика воспринимала наши концерты с открытым ртом – не было ни нот, ни записей. Эта яркая, полная невероятной энергетики музыка производила грандиозное впечатление!»

У нас брали интервью журналисты из самых известных печатных изданий, радио – и телеканалов, наши концерты транслировались по мировым каналам «Юнеско» в Европе».

Между тем, часть «невозвращенцев» из бывшего «Хора Турецкого» все же вернулась в Москву, и произошло обычное – при Московской хоральной синагоге оказалось два певческих коллектива. Скажем прямо, многовато для одной синагоги! Вскоре хор под руководством Турецкого отошел от музыки духовной, что вполне объяснимо – популярная музыка, шлягеры, создаваемые на основе еврейских песен обрели куда больше поклонников, чем хор Цалюка, исполняющий духовные песнопения. Случилось то, о чем говорится в песне: «Наши судьбы две дороги, перекресток позади...». Из бывшего хора Академии канторского искусства возникло два очень непохожих коллектива. Один остался «Хор Турецкого», блистательно исполняющий на попсовый манер – хотя и с «подъеврееванием» такие песни как скажем «Оренбургский платочек» и др., с еврейским искусством имеет мало общего. Когда великий ансамбль Игоря Моисеева показывает еврейские танцы, они – воистину становятся частью еврейского искусства. Равно как и цикл еврейских песен, созданных Шостаковичем в 1946 году.

Второй певческий коллектив под руководством Александра Цалюка обрел не только новое название «Хасидская капелла», но и новую крышу – его пригласил раввин Берл Лазар из синагоги в Марьиной Роще. Хор «Хасидская капелла» исполняет народные песни, классическую еврейскую музыку таких композиторов 19-20-го веков как – Ройтмана – Румшинского, Луиса Левандовского, Шарля Наумбурга, Моше Кусевицкого и многих других.

Случайности в этом не было: Берл Лазар – один из первых посланников Любавического ребе в России, знал истинную цену хасидским песнопениям. Хасиды еще со времен Баал Шема создавали коллективы еврейских минизингеров, путешествующих по местечкам Голиции, Подолии, Белоруссии – назывались они хасидские капеллы. Таким образом, коллектив, созданный Цалюком явился своего рода ренессансом. Вот что вспоминает об этом Александр Цалюк: «Раввин Лазар привез нам единственный сборник этих мелодий, изданный в Израиле: одноголосые напевы без слов. Мы пытались их аранжировать для многоголосого хора, но сделать это было практически невозможно, так как это нарушало природу и музыкальный шарм произведений. А вообще, даже во время службы все проходило очень весело и задорно. Когда двадцать мужчин поет одноголосно одну мелодию – это очень странно в нашем обывательском понимании, но – не в понимании хасидской традиции. Мы столкнулись с тем. Что если в хоральной синагоге мы пели службы. Как хор поет в католических. Протестанских или православных храмах, то в хасидской синагоге и традиции, пение хора во время службы – не приветствуется.

Считается, что хоровое пение отвлекает присутствующих от молитвы, от мыслей о Боге. Если уж петь, то петь должна вся община, а не хор. И не превратить все происходящее в концерт! Поэтому, в синагоге МЕОЦа хор постоянно не поет, хотя мы множество раз предлагали Главному раввину России, Берлу Лазару, восстановить хасидскую службу. Это же предлагал работающий здесь кантор Пресман. Надеюсь, нам все же удастся получить на это благословение раввина».

А теперь время чуть подробнее поведать об Александре Цалюке – этом одержимом энтузиасте возрождения истинно еврейской музыки. Впрочем, предоставим слово ему самому: «В музыкальную школу меня привели родители. Но учился я по собственному желанию. Правда у меня был и период отторжения ко всему этому делу, во втором или третьем классе, когда нужно было осваивать техническую сторону ремесла.

Одновременно со школой, я пел в детском хоре радио и телевидения Советского союза под управлением Виктора Попова, был там солистом, прошел всю эту школу, буквально с семи до 14 лет. Объездил с этим легендарным детским коллективом много городов и стран, фактически, гастрольную жизнь вел с пеленок.

После школы, я поступил в Мерзляковское училище при консерватории. Там учился по классу дирижирования. Затем – продолжил в Московской консерватории и двух аспирантурах – по классу хорового и симфонического дирижирования.

Цалюк – это аббревиатура: цадик (святой), ламед (учение), катамар (какой-то религиозный термин). Согласитесь – звучит весьма кошерно. Вообще, Цалюки – родом из-под Чернигова. Кстати, бабушка – со стороны отца была профессиональной оперной певицей, может и я унаследовал соответствующие гены от нее?! Она пела в Киевском и Черниговском оперных театрах до войны. После войны жизнь ее была сломана. Мой дедушка, погиб на фронте, сгорел в военном самолете, и она одна продолжала воспитывать сына, моего отца, так и не вернувшись к музыкальной деятельности.

Я писал диплом на тему: «Историческое развитие еврейской литургической музыки». Это был первый, официально разрешенный диплом по еврейской тематике, со времен революции 17-го года.

Когда мне было восемнадцать лет, дедушка привел меня в московскую хоральную синагогу. Он был почетный член еврейской общины и постоянный ее прихожанин, с 20-х годов уже прошлого века. Он ушел из жизни недавно, в возрасте 96 лет. Даже в те времена, когда это было строго запрещено, дед не отступал от своих принципов. Хотя он очень рисковал собой и своей большой семьей. Видел много раввинов, глубоко веровал, но при коммунизме, при советской власти, скрывал это, оставаясь светским человеком. В моем детстве мы собирались у него по большим праздникам своей семьей, он проводил Сейдер на Пасху по всем правилам. В годы сталинских репрессий, когда еврейские книги и атрибутика были вне закона, дедушка героически прятал все это. Сегодня его книги – наша семейная реликвия. Дед родился в Белоруссии, недалеко от Витебска, в местечке Лукомоль. Учился с Марком Шагалом в одном Хедере на помощника раввина, занимался ведением молитвы (Баал Тфила). Помнил, как Шагал рисовал карикатуры мальчишек, своих одноклассников, на полях тетрадки. В 1989-м году, дед привел меня в синагогу».

Здесь уместно заметить, что евреев синагога... Прав был французский историк Ренан, заметив: «Синагога оказалась наиболее оригинальным и плодотворным изобретением еврейства». И действительно, это учреждение так много значит для евреев – они в значительной мере сохранило нас как единый народ, но не дало исчезнуть нашей музыки, песням. Выступая на презентации моей книги «Еврейская мозаика» (это было зимой 1993 года) Лев Эммануилович Разгон сказал: «Если бы не еврейские песни, я бы наверное забыл о своих корнях». И он запел старую еврейскую песню о детях в хедере, о том, как раввин учит их азбуке и они вдруг начинают понимать, как много тайного смысла в еврейских буквах. Эту песню он так любил, что пел ее на вечере в Центральном Доме литераторов, посвященном презентации моей книги «Еврейская мозаика». Спел он ее на идиш и пересказал по-русски.

Ойфн припечек
брент а фаерл,
Ун ин штуб из эйс
Ун дер ребе лернт
клейне киндерпех
Дем алеф-бейс.

Закончить же рассказ о «Хасидской капелле» мне хочется словами ее руководителя: «Люди, после наших концертов, подходят со слезами на глазах, благодарят нас и говорят – «Господи, большое спасибо, мы думали, что настоящее искусство умерло. Вы поете так трогательно, так бережно и трепетно относитесь к музыкальной культуре нашего народа! Это большая радость...»

Но из-за того, что то, что мы сейчас здесь делаем с хором, не окупается, у меня порой возникают самые пессимистические мысли... Например, у меня много раз было желание уехать. В 90-х годах, я чуть было не эмигрировал в Израиль. Потом были предложения работы в США, в Германии, в Копенгагене, где мне хотели отдать детский хор. И каждый раз останавливал именно московский мужской еврейский хор. Мне безумно обидно все это, я борюсь из последних сил. Жизнь дорожает, период романтической молодости погас, адская работа и выступления «за сосиску» - уже не прельщают. Получив такое серьезное образование, я мог бы заниматься просто классикой в том же оперном театре, или – преподаватель в консерватории. Но сейчас – 100 процентов моей жизни уходит на хор, без остатка.

Нам трудно жить. Как любой проект, не относящийся к шоу-бизнесу и шоу-культуре, он не может самоокупаться.

Когда мы приезжаем туда, наш коллектив принимается по-королевски. За рубежом нас ценят больше, чем здесь!

Наш коллектив работает в МЕОЦе с 1997-го года. В то же время, мы продолжаем активно путешествовать по странам Европы и республикам бывшего СССР, ни одно серьезное еврейское мероприятие не обходится без нашего коллектива. Нас поддерживает «Джойнт». Мы очень много выступаем с бесплатными концертами в Москве и регионах. Это – благотворительные, общественные, религиозные, светские организации: Хама, в Яд-эзра, в клубах

пожилых людей, в Новогиреево, в Салтыковке, в Реутове, в Мытищах, в Ногинске, в Балашихе, Черноголовке. У нас есть почетное право выступать с абонементными концертами в московской консерватории.

Вообще все пятнадцать лет существования нашего коллектива, мы видим полное несоответствие вложенного труда, той важности нашего дела и той финансовой платформы, на которой все держится. Это абсолютно неадекватно. И деньги нужны небольшие. А идти, например, в российское министерство культуры, с просьбой профинансировать еврейскую духовную музыку – нелепо и смешно».